

© 1992 г. ВАХТИН Н.Б.

**К ТИПОЛОГИИ ЯЗЫКОВЫХ СИТУАЦИЙ НА КРАЙНЕМ СЕВЕРЕ
(ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ)**

"... в какую область ни ткнешься, на первых же шагах оказывается, что самые простые и самые насущные необходимые явления вовсе не изучены систематически, а имеются лишь разрозненные обрывки, разболтанные в произвольных схемах".

(Из письма П.А. Флоренского
В.И. Вернадскому² сентября 1929 г.)

Вводные замечания

В течение ряда лет в Санкт-Петербургском Институте лингвистических исследований РАН (в прошлом — ЛО Института языкознания АН СССР) ведется работа по сбору данных о современной языковой ситуации в районах Крайнего Севера. В основе работы лежит лингво-этнографическая программа, составленная автором данной статьи совместно с А.К. Байбуриным. Основным предметом исследования этнографической части программы является изменение соотношения консервативных и инновационных тенденций современной культуры народностей Севера¹; лингвистической части — изменения языковой ситуации. В программу, таким образом, исходно заложено понимание тесной связи языковых и культурных процессов.

Для исследования языковой ситуации в районах Крайнего Севера автором настоящей статьи была разработана специальная методика, основанная на принципе экспертной оценки степени владения языком. На базе программы и методики были проведены конкретные социолингвистические исследования. Было обследовано 13 поселков в разных регионах Крайнего Севера², в которых в двуязычных или многоязычных языковых коллективах совместно с приезжим русскоязычным населением проживают алеуты, ительмены, коряки, ненцы, нивхи, удэгейцы, чукчи, эвены, эскимосы, юкагиры и якуты.

¹ Говоря о языках малых народностей Севера, обычно имеют в виду следующий, достаточно условный список языков: алеутский (фактически два языка), долганский, ительменский, керекский, корякский (с диалектами), кетский, мансийский, нанайский, нганасанский, негидальский, ненецкий (с диалектами), нияхский (с диалектами), орокский, орочский, саамский, селькупский (с диалектами), тофаларский, удэгейский, ульчский, хантыйский (фактически два языка, каждый с диалектами), чукотский, эвенкийский, эвенский (с диалектами), энецкий, эскимосский (фактически три языка), юкагирский (фактически два языка). В этот же список иногда включают шорский. Трудность подсчета точного числа этих языков (не менее 26) вызвана отсутствием ясных критериев разграничения понятий "язык" и "диалект" в ситуации бесписьменного языка или языка, не имеющего литературы; впрочем, упорное стремление узнать "точное количество" языков народностей Севера характерно скорее для чиновников планового ведомства, чем для ученых. Существенно не то, сколько этих языков, а то, что они собой представляют, каково их современное положение и особенности.

² Сбор материала осуществлялся в следующих населенных пунктах: пос. Никольское (о. Беринга) — изучение алеутско-русского двуязычия (Н.Б. Вахтин, Е.В. Головкин, А.С. Асиновский, 1982 г., см. [1]); пос. Чаплино и Сиреники (Чукотка) — изучение эскимосско-русского двуязычия (Н.Б. Вахтин, 1984 г., см. [2]); пос. Ковран (Камчатка) — изучение ительменско-русского двуязычия (А.С. Асиновский, 1985 г., см. [3]); пос. Носок (Таймыр) — изучение ненецко-русского двуязычия (М.Д. Люблинская, 1985 г., см. [4]); пос. Красный Яр (Приморский край) — изучение удэгейско-русского двуязычия (Е.В. Перехвальская, 1985 г.); пос. Андриюшкино, Колымское, Нелемное (северо-восток

В работе по сбору данных участвовали главным образом сотрудники отдела палеоазиатских и самодийских языков ЛО ИЯ АН СССР. Результаты исследований частично опубликованы (см. [1—5]), правда, преимущественно в малодоступных и малотиражных изданиях; находятся в печати работы А.Н. Бадаева по корякскому, Е.Ю. Груздевой и Ю.В. Леоновой по нивхскому языкам.

Цель настоящей публикации — познакомить читателей с основными результатами работы по данной теме.

1. Методика исследования

Методика имеет целью определение степени владения языком или языками (СВЯ) в двуязычных или многоязычных поселках Севера. В основе методики лежит принцип экспертной оценки.

1.1. Экспертная оценка

СВЯ определяется индивидуально для каждого жителя поселка. В каждом поселке отбирается не менее пяти экспертов, предпочтительно среди тех, кто хорошо знает своих односельчан и достаточно образован, чтобы понимать вопросы абстрактного характера.

Прежде всего на базе поселковых похозяйственных книг составляется карта жителей. Каждая карточка должна включать имя, отчество и фамилию, год рождения, пол, национальность, образование и место работы, а также любую дополнительную информацию, которую исследователю удалось собрать.

Для поселка с населением 300—400 жителей возможно сплошное обследование; для более крупных поселков необходимы выборки по случайному признаку (обследуется половина, треть, четверть населения).

Исследователь работает с картотекой, предъявляя каждую карточку эксперту. Конечной целью опроса должно стать приписывание каждому индивиду за каждый язык балла по следующей шкале:

1. Говорит на языке совершенно свободно и легко, прекрасно знает "старый язык" и, возможно, фольклор; это часто единственный язык индивида.

2. Говорит на языке свободно, но может (или предпочитает) говорить на каком-то другом языке с такой же (или большей) легкостью.

3. Говорит на языке свободно, но его односельчане, относящиеся к группам "1" и "2", замечают в его речи незначительные погрешности: нечеткость словоупотреблений, упрощения в грамматике, ограниченный словарь, акцент.

4. Говорит на языке, но с серьезными погрешностями, ошибками: язык явно не является родным для этого человека.

5. Хорошо понимает речь на языке, но говорить не может, за исключением пары десятков бытовых фраз.

6. Понимает стандартный набор императивных и вопросительных высказываний, возможно — способен понять общий смысл разговора, но сам говорить не способен.

7. Не знает языка.

В идеальном случае эксперт может освоить приведенную шкалу и затем самостоятельно расставить баллы от 1 до 7 всем своим односельчанам. Сопоставив ответы эксперта с данными, полученными от других экспертов, со своими собственными впечатлениями и с самооценкой данного индивидуума,

---

Якутии) — изучение многоязычной ситуации якутского, эвенского, юкагирского, чукотского и русского языков (Н.Б. Вахтин, 1987 г., см. [5]); пос. Седанка, Оссора и Ивашка (Камчатка) — изучение корякско-русского двуязычия (А.Н. Бадаев, 1988 г.); пос. Ноглики (Сахалин) — изучение нивхско-русского двуязычия (Е.Ю. Груздева и студентка ЛГУ Ю.В. Леонова, 1989 г.); пос. Сиреники (повторно) — изучение трехязычной ситуации с эскимосским, чукотским и русским языками (Н.Б. Вахтин и студенты ЛГУ Ю.В. Леонова, О.А. Кузнецова, О.В. Муковский, 1990 г.).

исследователь получает возможность вычислить средние баллы и получить таким образом данные для дальнейшей обработки.

Однако практически возможность получить прямой ответ возникает крайне редко. Исследователю приходится задавать множество вопросов о каждом входящем в картотеку, с тем чтобы косвенным образом получить интересующий его ответ. Приходится сравнивать разные ответы разных экспертов, вводить различные поправочные коэффициенты, пока наконец появляется достаточно надежный и непротиворечивый ответ.

Шкала СВЯ составляет континуум, который может быть разбит на три зоны.

Зона 1, величины 1,0 — 2,5. Язык активен; степень владения им может варьировать от идеальной (когда он единственный в коллективе или когда у него нет серьезных конкурентов в поселке) до слегка упрощенного варианта.

Зона 2, величины 3,0 — 4,5. Язык более или менее активен и может варьировать от слегка искаженной формы ("3,0": акцент, значительное число заимствований, грамматическая и иная интерференция) до существенно искаженной формы ("3,5 — 4,0"), когда говорящий постоянно стремится "соскользнуть" на другой язык, и далее до ситуации, когда человек способен лишь на очень ограниченную реакцию на языке ("4,5").

Зона 3, величины 5,0 — 6,5. Здесь — различные степени понимания речи при том, что человек не способен на членораздельную реакцию на том же языке. При "5,5" нельзя исключать способности человека произнести несколько слов на языке, в то время как при "6,5" даже его способность понимания весьма ограничена.

Характеристика языка по "зонам" очень существенна для его положения. Пересечение границы зон тем или иным языком — это крупное событие в его судьбе, которое коррелирует с его способностью к регенерации.

1.2. "Лингвистическая биография"

Существенной характеристикой районов Севера, имеющей непосредственное отношение к особенностям языковых ситуаций, является высокая дисперсность населения, его перемешанность. Наличие поселков, включающих, помимо приезжих, население только одной коренной национальности, для районов проживания малых народностей Севера является скорее исключением, чем правилом. Эта перемешанность населения отчасти возникла в результате бурных миграционных процессов последних 40 лет, отчасти отражает положение, существовавшее и в прошлом, когда многие народности Севера вели кочевой или полукочевой образ жизни и неизбежно сталкивались друг с другом в течение годовых миграций со стадами или циклических охотничьих миграций.

В настоящее время, в отличие от того, как это принято изображать на картах распространения языков, где каждому языку отведено свое цветное пятнышко с более или менее четко очерченными границами, носители языков народов Севера чаще всего живут небольшими группами в составе многонациональных населенных пунктов; при этом каждая из 2—5 национальных групп имеет свои специфические национально-языковые проблемы, отличающиеся как от аналогичных проблем других национальных групп этого же населенного пункта, так и от проблем этой же национальности в других, соседних или удаленных, населенных пунктах (см. ниже раздел об объекте исследования).

Поскольку для многих районов эта смешанность населения устойчиво сохраняется на протяжении десятков и сотен лет, мы вправе ожидать чрезвычайно широкого распространения многоязычия.

Исследование языковой ситуации в двуязычном и многоязычном поселке во многом представляет собой разные задачи, как по сложности, так и по объему работы.

Если исследователь работает в двуязычном поселке, население которого

говорит, например, по-русски и на национальном языке, то описанная выше процедура способна дать достаточно точную картину социолингвистической ситуации в поселке. Однако в районах, где одновременно функционируют три, четыре языка и более, такая процедура недостаточна. Чем больше в поселке языков, тем субъективнее оценка эксперта, и в поселке, в котором в ходу четыре или пять языков, каждый из которых более или менее известен всем жителям, экспертная оценка по предложенной процедуре, даже будучи многократно проверена, остается ненадежной.

В сложных многоязычных коммуникативных ситуациях размываются понятия "говорить", "понимать", "хорошо объясняться" и др. под. Так, на вопрос, насколько хорошо имярек говорит по-юкагирски, эксперт может ответить: "хорошо говорит", но этот ответ может означать что угодно — от "он говорит прекрасно" до "он говорит хорошо для тридцатилетнего" и до "он говорит по-юкагирски хорошо для звена" — а все эти утверждения, естественно, соответствуют совершенно различной степени владения языком по нашей шкале. Говоря "имярек говорит еще и по-чукотски", эксперт может иметь в виду, что он действительно говорит на этом языке, но он может и иметь в виду, что имярек способен участвовать в коммуникации на чукотском языке, т.е. что он способен лишь понимать чукотскую речь.

Иными словами, перед нами яркий пример недифференцируемости в многонациональном поселке индивидуального лингвистического предпочтения и "качества" языка и социального предпочтения и "качества".

Далее, существует значительная разница между языком, который был выучен человеком в раннем детстве, в семье, и тем языком, который человек узнал в зрелом возрасте, хотя ни исследователь, ни даже эксперт иногда не смогут отличить по внешнему функционированию эти два языка друг от друга: родной язык может быть основательно забыт, а выученный во взрослом состоянии, напротив, постоянно использоваться в общении.

Наконец, изменения социально-экономической ситуации влекут за собой изменения языкового предпочтения: в разные периоды жизни человек может оказаться в условиях доминирования различных языков, и, следовательно, его собственный "лингвистический портрет" может существенно изменяться.

Таким образом, если ставится задача измерения степени владения языком (competence), а не беглости внешнего проявления пользования языком (performance), необходимо введение поправочного коэффициента, который нейтрализовал бы (или хотя бы свел до минимума) субъективность экспертных оценок. Этим коэффициентом в предлагаемой методике является "лингвистическая биография" человека, позволяющая установить источник приобретения им тех языков, на которых он способен участвовать в коммуникации.

В процессе работы были выявлены следующие варианты "лингвистических биографий". Ниже приводится весь список, при том что некоторые реализации могут быть более актуальны для одних регионов, в то время как другие чаще встречаются в других.

А. Язык приобретен во младенчестве.

1. Язык приобретен во младенчестве от родителей. Это был единственный (или основной) язык семьи, на котором говорили все (или большинство) взрослых, окружавших ребенка. Начав говорить на нем, ребенок продолжал говорить на том же языке без перерывов или как минимум продолжал слышать его постоянно вокруг себя, хотя сам по каким-то причинам мог позднее предпочесть другой язык.

2. Язык приобретен во младенчестве от родителей. Это был единственный (или основной) язык семьи, на котором говорили все (или большинство) взрослых, окружавших ребенка. Однако в какой-то момент ребенок перестал слышать его вокруг себя и перешел в основном на другой язык, на котором и говорит в настоящее время.

Величины СВЯ

Экспертная оценка	"Лингвистическая биография"							
	0	1	2	3	4	5	6	7
1	1.0	1.0	1.5	2.0	2.0	2.5	3.0	—
2	2.0	2.0	2.5	3.0	3.0	3.5	4.0	4.0
3	3.0	3.0	3.0	3.5	3.5	4.0	4.5	4.5
4	4.0	4.0	4.0	4.0	4.0	4.5	5.0	5.0
5	5.0	5.0	5.0	5.0	5.0	5.5	6.0	6.0
6	6.0	6.0	6.0	6.0	6.0	6.5	6.5	6.5
7	7.0	7.0	7.0	7.0	7.0	7.0	7.0	7.0

3. Язык приобретен в детстве в яслях и/или детском саду; или он приобретен при общении со сверстниками "на улице", в игре; или он выучен в начальной школе (последнее обычно относится к русскому языку). Это — язык, отличный от того, на котором ребенок говорил дома.

4. Язык приобретен в раннем детстве. Это был язык одного из родителей или родственников, на котором он обычно говорил с ребенком, притом что в основном в семье был принят другой язык (например, язык, на котором мать ребенка говорила со своей матерью, в то время как с другими членами семьи она говорила на другом языке; или язык, на котором бабушка говорила с ребенком, а при этом другие родные обращались к нему на другом языке, и т.д.).

Б. Язык был приобретен в детстве или отрочестве.

5. Язык был приобретен в результате включения в трудовую деятельность (в возрасте 10—12 лет, в тундре или в поселке) или в процессе продолжения образования в средней школе-десятилетке, или в ПТУ, или в вузе; или, наконец, он был приобретен в начальной школе, трех- или четырехлетке, существовавшей в некоторых регионах в 30—40-х годах. Последние две возможности касаются главным образом русского и якутского языков.

В. Язык приобретен во взрослом состоянии.

6. Он приобретен в результате вступления в брак и вхождения в семью, в которой принят другой язык; или язык (обычно русский) усвоен взрослыми от своих детей, которые выучили его в школе или детском саду и забыли свой родной язык, так что перестали понимать родителей и те вынуждены были выучить русский; вопреки ожиданию, данная ситуация оказывается достаточно частотной в некоторых регионах.

7. Язык приобретен на работе, в быту при общении с соседями и т.п.

1.3. Итоговая таблица оценки СВЯ

Окончательные индексы СВЯ показаны в табл. 1.

По горизонтали и по вертикали представлены, соответственно, варианты экспертной оценки и варианты источника языка. В первом столбце дана основная шкала, а на пересечениях — итоговые индексы СВЯ. Цифры, помещенные на пересечениях, вычислены в результате анализа значительного числа "лингвистических биографий". Людям разных национальностей, говорящих на разных языках, было предложено оценить свою СВЯ и рассказать об источнике происхождения каждого из языков, которыми они владеют. Затем, основываясь на экспертной оценке, перекрестных проверках и т.п., каждому был приписан соответствующий балл СВЯ за каждый язык. Собранные таким образом данные позволили "градуировать шкалу".

Степень владения эскимосским и русским языками среди жителей пос. Новое Чаплино
(корреляция с возрастом)

Возрастные группы	>60	51—60	41—50	31—40	21—30
Эскимосский язык	1.0	1.0	1.6	2.4	4.2
Русский язык	3.3	2.4	1.5	1.0	1.0

Таблица 3

Степень владения эскимосским и русским языками среди жителей пос. Новое Чаплино
(корреляция с полом и возрастом)

Возрастные группы	>60	51—60	41—50	31—40	21—30
Эскимосский язык					
мужчины	1.0	1.0	1.7	2.6	4.3
женщины	1.0	1.0	2.0	2.3	3.8
Русский язык					
мужчины	3.0	2.0	1.7	1.2	1.0
женщины	3.4	2.5	1.5	1.0	1.0

Цифрами в табл. 1 обозначены:

По вертикали (экспертные оценки):

1. Говорит свободно; 2. Говорит; 3. Говорит с погрешностями; 4. Говорит ломаным языком; 5. Понимает все; 6. Понимает общий смысл; 7. Не знает языка.

По горизонтали:

0. Базовая шкала: двуязычная ситуация; 1—7. Многоязычная ситуация: шкала с поправкой на "лингвистическую биографию": 1. Язык выучен в семье (без перерыва); 2. Язык выучен в семье (с перерывом); 3. Язык выучен в детском саду, на улице при общении со сверстниками; 4. Язык выучен в раннем детстве как язык одного из родителей; 5. Язык выучен при вступлении в трудовую деятельность; 6. Язык выучен в браке, при вхождении в новую семью или от собственных детей; 7. Язык выучен при совместной трудовой деятельности.

Итоговый результат исследования удобно представлять в виде таблицы (или графика), где по горизонтали отложены, например, возрастные группы, по вертикали — степень владения одним или несколькими языками представителей какой-либо народности, а на пересечениях показаны средние значения СВЯ данной возрастной группы. Вместо возрастных групп данные могут быть усреднены по любым другим параметрам: образованию, полу, роду занятий и т.п., и в этом случае таблица даст наглядное представление о зависимости степени владения языком от выбранного параметра.

В качестве примера такого представления результатов исследования можно привести данные по эскимосским поселкам Новое Чаплино и Сиреники.

Из табл. 2 наглядно видно, что чем младше население, тем лучше оно владеет русским языком и тем хуже говорит по-эскимосски.

Табл. 3 демонстрирует незначительные отличия степени владения родным и русским языками у мужчин и женщин. Так, женщины трех возрастных групп (от 21 до 50 лет) в целом несколько лучше владеют обоими языками; при этом мужчины двух старших возрастных групп несколько лучше, чем их сверстницы, владеют русским языком. Впрочем, при столь незначительных различиях числовых значений вряд ли допустимо делать сколько-нибудь серьезные выводы.

Необходимо подчеркнуть, что описанная методика дает, как кажется, возможность определить именно языковую компетенцию, а не ее внешние проявления в речи. Это важно, так как последняя зачастую подвержена различного рода случайным влияниям, таким, как коммуникативное удобство, престиж, степень распространенности данного языка в коллективе и др. Это в особенности верно для многоязычных коллективов.

2. Объект исследования

Вопрос об объекте социолингвистического исследования на Крайнем Севере достаточно сложен. Традиционное понятие "народности Севера" и связанное с ним понятие "языки народов Севера" являются скорее метафорой, чем научным термином. Объединение этих народностей под одним наименованием, возможно, и имело когда-то "административно-территориальный и политический смысл" [6], но смысл этот давно утерян. Под названием "языки народов Севера" скрыты совершенно различные языки, как по их типологической и генетической принадлежности, так и, тем более, по степени распространенности, численности говорящих, исторической судьбе, современной социолингвистической ситуации и т.п.

"Гипноз" единого термина часто приводил и до сих пор приводит к обобщенному подходу как к описательным и теоретическим исследованиям этих языков, так и к языковой политике в регионах. Существует постоянное искушение выработать принципы языкового строительства, которые оказались бы пригодны для всех северных языков и всех говорящих на них народностей без исключения. Между тем при громадных различиях реальных языковых ситуаций попытки такого рода заранее обречены в лучшем случае на бесплодие.

Приходится констатировать, далее, что сама номенклатура языков и народностей Севера в значительной мере перестала соответствовать уровню наших знаний. Если на ранних этапах, в 30—50-х годах, она отвечала целям научного изучения грамматики и лексики этих языков, то для современных лингвистических, а тем более социолингвистических и практических целей она абсолютно непригодна.

Представители того, что в североведческой "номенклатуре" считается единым народом, зачастую живут на значительном (тысячи км) удалении друг от друга в совершенно разном окружении и, более того, часто говорят на языках и диалектах, взаимно плохо понятных или вовсе не понятных. Так, многие колымские юкагиры вообще не знают о существовании в бассейне реки Алазеи своих прямых лингвистических "родственников" — тундреных юкагиров и уж тем более не идентифицируют себя с ними как членов единого этноса. Сходная ситуация имеет место не только с юкагирским, но и с эскимосским, нивхским, селькупским, отчасти эвенским и другими языками.

Вряд ли целесообразно говорить о "современном состоянии корякского языка" в целом без указания конкретного района — а еще лучше поселка, — о котором идет речь. То, что будет верно для положения эвенского языка в каком-либо поселке Хабаровского края, может не иметь ничего общего с положением этого языка в поселке Магаданской области. Практические рекомендации по школьному преподаванию, сделанные для юкагирского класса Верхнеколымского района Якутии, могут оказаться бесполезными и даже вредными для деятельности юкагирского класса Нижнеколымского района. Ситуация с нивхским языком Амура совершенно не похожа на ситуацию с нивхским языком Сахалина. Перспективы сохранения эскимосского языка Провиденского района и эскимосского языка Чукотского района Чукотки совершенно различны. Примеры можно легко умножить.

Учитывая эти соображения, а также высокую степень неоднородности языковых коллективов, различную в разных поселках (см. ниже) дисперсность

населения, широкое распространение многоязычия и другие факторы, объектом обсуждаемого социолингвистического исследования избран не "язык", не "народность" и не "регион", а населенный пункт (поселок) или, точнее, "языковая община" (соответственно, "дву- или многоязычная община").

Это положение является одним из ключевых выводов проведенной работы.

Данное положение может оказаться небесполезным и для практики языкового строительства. Практические потребности школьного преподавания также должны быть ориентированы на поселок, а не на "народность". Приложение усилий к "развитию нивхского языка" или "развитию просвещения и школьного образования среди юкагиров" при всей внешней привлекательности и гуманности подхода достаточно бесперспективно, поскольку положение о том, что существует "юкагирский этнос" или "нивхский язык", требует как минимум серьезного обоснования и не может быть принято как аксиома.

Представляется, что наряду с общеизвестными и очевидными причинами катастрофического положения с языками Севера, такими, как ломка традиционного природопользования, разрушение среды обитания, миграционные процессы в масштабе страны и др., можно отыскать и "анурилигвистические" причины упадка языков, точнее — причины, лежащие в области социолингвистики и языковой политики. Одна из этих причин, думается, скрыта в неверно выбранном объекте приложения усилий, связанных с изучением социолингвистической ситуации и языковым строительством.

3. Разрыв языковой традиции: "поколение перелома"

Для многих народностей Севера характерна чрезвычайно высокая степень разрушенности языкового коллектива. Степень владения языком (СВЯ) повсеместно коррелирует с возрастом носителей; языковые коллективы расслоились на возрастные группы (поколения), причем старшие являются одновременно носителями языковых и культурных традиций, группой, для которой характерны центристемительные, консервативные тенденции, а младшие, напротив, являются носителями инновационных, центробежных тенденций в культуре и, соответственно, ориентированы не на родной язык, а на язык более крупной народности или нации (как правило, русский или реже якутский).

В самом переходе с родного языка на язык численно преобладающего народа через стадию диглоссии нет ничего плохого. Этим путем следуют десятки и сотни народностей мира. Если этот процесс идет не слишком быстро и сопровождается умелой социальной и языковой политикой, то этническая группа воспринимает его достаточно безболезненно.

Для двуязычных общин, по всей вероятности, нормой является ситуация диглоссии (функционального двуязычия), когда коренные жители рассматривают родной язык как язык бытового общения, традиционной хозяйственной деятельности, реже — школьного обучения, а русский (якутский и др.) — как "международный" язык для всевозможных видов общения с "внешним" по отношению к общине миром.

Для многоязычной ситуации нормой является, по-видимому, положение, когда каждая этническая группа имеет свой язык, на котором ее представители говорят друг с другом, понимает этнические языки других групп, и, сверх того, в общине существует один "общий" язык, на котором способны разговаривать все ее члены, и один "международный" язык для общения вовне — язык общения с приезжими, язык массовой коммуникации и др. Естественно, "этнический", "общий" и "международный" языки могут в ряде случаев совпадать.

Пример — языковая ситуация с якутским, эвенским и юкагирским языками в Алазейской тундре (Якутия) до возникновения там поселка Андриюшкино.

³ См., например, дискуссию о положении народностей Крайнего Севера в [7].

СВЯ тремя языками старшего поколения в Алазейской тундре

1927—1936 г.р.	Юкагирский	Эвенский	Якутский
Юкагиры	1.5	3.5	3.4
Эвены	5.8	1.5	3.0
Якуты	6.4	5.7	1.0

Из анализа собранных данных можно сделать вывод, что около 1940 г. в регионе начала складываться ситуация, близкая к идеальной: трехязычный коллектив со следующим распределением языков (табл. 4)

Если бы развитие языковой ситуации шло естественно, без вмешательства извне, то "общим" языком этого коллектива стал бы якутский, но все якуты понимали бы, хотя бы в минимальной степени, и языки двух других этнических групп, а те понимали бы друг друга, имея каждая свой собственный "этнический" язык. Если судить по современным проявлениям, иерархия языков имела бы вид "якутский > эвенский > юкагирский", в том смысле, что по-якутски достаточно свободно говорили бы все, по-эвенски — эвены и юкагиры и по-юкагирски — только юкагиры.

Однако приходится с сожалением констатировать, что основной тенденцией развития данной "нормальной" ситуации является не плавный переход к функциональному дву- либо многоязычию (диглоссии или, возможно, полиглоссии), а повсеместное вытеснение родных языков русским, потеря диглоссии и связанные с этим чрезвычайно серьезные социокультурные и психологические последствия для носителей языков народов Севера.

Основной тенденцией развития многоязычных ситуаций в обследованных регионах, так же как и в ситуациях диглоссии, является постепенная потеря "этнических" языков, при которой "общий" и "международный" языки все более начинают использоваться не только для общения между этническими группами, но и для общения членов одной группы между собой.

При этом возникает совершенно особая ситуация, которая должна, по-видимому, считаться во всех отношениях противоположной нормальной диглоссии. Мы имеем в виду появление того, что можно было бы назвать "поколением перелома".

Между старшим и младшим поколениями во многих языковых общинах располагается группа (ее возраст колеблется в пределах 30—50 лет, в зависимости от конкретного поселка), которую можно назвать "полуязычной" возрастной группой в том смысле, что одни ее представители уже начали утрачивать родной язык и предпочитать русский, другие еще недостаточно владеют русским языком. Нормальная коммуникация в пределах этой возрастной группы, и тем более — между представителями соседних поколений нарушается, а следовательно — не получают нормального языкового воспитания и дети.

Примером здесь может служить языковая ситуация в эскимосско-чукотском поселке Сиреники Чукотского автономного округа. Ср. данные по СВЯ эскимосским и русским языками (табл. 5).

Видно, что устойчивое знание эскимосского языка, предпочтение его русскому обнаруживают только возрастные группы старше 50 лет. Люди младше 40 лет устойчиво владеют русским языком, предпочитают пользоваться им, поскольку их знание эскимосского языка довольно резко падает. При этом нынешние 40—50-летние составляют группу, в которой в среднем значение показателей СВЯ приближается к значению 2.0 для обоих языков (эск. 1.9, русск. 1.7). Это означает, что данная группа как целое не имеет общего пред-

СВЯ русским и эскимосским языками в пос. Сиреники

Группа	Возраст	СВЯ-эск.	СВЯ-русс.
1	>60	1.0	4.5
2	51—60	1.2	2.4
3	41—50	1.9	1.7
4	31—40	3.1	1.0
5	21—30	4.2	1.0

Таблица 6

СВЯ корякским языком в пос. Седанка

Группа	Возраст	СВЯ	Группа	Возраст	СВЯ
1	>67	1,1	7	42—38	2,0
2	67—63	1,5	8	37—33	2,2
3	62—58	1,6	9	32—28	2,6
4	57—53	1,6	10	27—23	3,6
5	52—48	1,8	11	22—18	4,7
6	47—43	1,9	12	17—13	5,8

почтения в выборе основного языка общения: ни русский, ни эскимосский язык не являются для нее основным общим языком.

Другой пример — корякский поселок Седанка (данные А.Н. Бадаева). Ср. табл. 6 (здесь данные усреднены по более мелким возрастным группам — по 5, а не по 10 лет).

Медленное снижение степени владения корякским языком, наблюдающееся в возрастных группах от 1-й до 8-й (в среднем по 0.2 балла между соседними группами), не представляет угрозы для корякского языка, а просто свидетельствует о постепенном формировании двуязычия. Однако между группами 9 и 10-й, 10 и 11-й, 11 и 12-й перепад в 1.0 и более, что свидетельствует о крутом переломе, резком изменении языковой ситуации в поселке. Возникает поколение, для которого распределение языковых предпочтений и функций языков иное, чем для предшествующего, и иное, чем для следующего. Наличие такой возрастной группы является свидетельством разрыва культурно-языковой традиции.

Видно, что "поколение перелома" здесь младше, чем в эскимосском поселке Сиреники: здесь перелом между 25 и 35-летними, в то время как в Сирениках он приходится между 35 и 45-летними. Конкретный возраст "полужычного" поколения разный для разных языковых общин, однако тенденция — единая.

Корреляция СВЯ с возрастом наблюдается почти во всех 13 обследованных нами поселках. Единственное исключение — ненецкий поселок Носок на п-ове Таймыр [4], где почти 100% жителей устойчиво владеют и ненецким, и русским языком, СВЯ для всех возрастных групп близка к 1.0 и ситуация как будто бы благоприятная для родного языка коренного населения. Это является косвенным подтверждением тезиса о том, что при наличии сильного лингвистического давления извне язык коренного населения имеет шансы сохраниться только там, где успело сформироваться функциональное двуязычие и где не образовалось "поколения перелома". Этот вывод, конечно, на данном этапе исследования можно рассматривать лишь как предположительный.

Впрочем, и в пос. Носок те несколько человек, которые сообщили, что они "предпочитают русский язык" — это дети и молодежь от 10 до 20 лет (коэф-

Группа	Возраст	СВЯ-эск.		СВЯ-русск.	
		Традиц.	Нетрадиц.	Традиц.	Нетрадиц.
2	51—60	1.2	1.2	2.3	1.8
3	41—50	1.7	2.0	2.1	1.5
4	31—40	2.1	3.6	1.0	1.0

эффициент степени владения ненецким языком для данной возрастной группы — 1.5, русским — 1.9), так что не исключено, что даже здесь мы наблюдаем тот же процесс, что и в других районах, хотя и находящийся в самой начальной фазе.

Нужно сказать, что, глядя на графики, вычерченные по данным, собранным в различных районах Севера, трудно отделаться от впечатления, что перед нами — различные стадии одного и того же процесса, происходящего по единым законам на громадном пространстве и затрагивающего сотни тысяч людей. Некоторые кривые просто выглядят как продолжение одна другой, другие — как кривая по поселку Сиреники и кривая по поселку Носок — возможно, представляют собой альтернативные пути и варианты процесса, но в целом можно утверждать, что дальнейшее исследование в этом направлении поможет выявлению общих закономерностей при всем различии конкретных проявлений.

Разрушение, расслоение языкового коллектива проходит не только по возрастному признаку. Кроме возраста, СВЯ коррелирует с большим количеством других параметров: численность народности, хозяйственная деятельность, различное географическое положение населенных пунктов, в которых проживают представители одной и той же народности, и мн. др.

Проиллюстрировать это можно на примере поселка Сиреники, единственного оставшегося эскимосского поселка, в котором наряду с новыми видами производственной деятельности, типа професий механизатора, продавца, кочегара или зверовода, еще существует (и очень популярен среди жителей) традиционный морской зверобойный промысел.

Коэффициенты СВЯ, вычисленные отдельно для традиционной и нетрадиционной профессиональных групп, демонстрируют значительные отличия. Ср. табл. 7.

Видно, что в традиционной группе переход на русский язык идет медленнее.

Данные по Сиреникам и другие аналогичные расчеты — ср. данные по ительменскому языку [3] — подтверждают, что корреляция признака "традиционная/нетрадиционная деятельность" и СВЯ здесь существует, но при этом эта корреляция не независима от возраста говорящих: вид деятельности не оказывает решающего влияния на высокую степень владения русским языком у молодых и эскимосским языком у пожилых, равно как и на низкую степень владения эскимосским языком у молодых и русским — у пожилых. Однако в целом группа, занятая в традиционной сфере производства, консервативнее в языковом отношении, чем их сверстники, занятые в нетрадиционной сфере.

Можно, видимо, сделать вид, что традиционная производственная деятельность тормозит процесс разрушения языкового коллектива и перехода его на русский язык, хотя и не способна "в одиночку" остановить этот процесс или повернуть его вспять.

Рассмотренные данные свидетельствуют о большой неоднородности, дифференцированности каждого языкового коллектива, в том числе и проживающих компактными группами на своей исконной территории, что, видимо, нехарактерно для других регионов.

4. О причинах устойчивости языка: "регрессивное восстановление"

Утверждения, что язык той или иной народности Севера находится на грани исчезновения, являются общим местом многочисленных исследований как конца прошлого — начала нынешнего века, так и более современных. Такие пророчества высказывались относительно многих ныне здравствующих языков, ср. хотя бы высказывание В.И. Йохельсона о юкагирском языке: "Через несколько десятков лет юкагирский язык может исчезнуть, а племя, как таковое, прекратит свое существование, отчасти вымерев, отчасти растворившись в других племенах..." [8]. Это написано в 1900 г. И тем не менее, приехав в 1987 г. в те же места, участники экспедиции обнаружили, что юкагирский язык далек от немедленного вымирания, хотя положение его, конечно, достаточно сложное.

В 1964 г. Г.А. Меновщиков писал о языке алеутов Командорских островов, что лет через 20 он неизбежно исчезнет [9, 10]. Но экспедиция на остров Беринга в 1982 г. обнаружила картину, во многом сходную с описанной Г.А. Меновщиковым, и ее члены могли бы высказать аналогичное предположение — что алеутскому языку осталось жить не более 20 лет.

Почему же все-таки язык оказывается так устойчив? Несмотря на многочисленные пророчества, исследователи из года в год встречают одну и ту же ситуацию: всегда находится десяток-полтора пожилых людей, в основном женщин, которые помнят родной язык, говорят на нем друг с другом и даже способны выступать достаточно квалифицированными информантами для лингвистов. Возникает впечатление, что в какой-то момент у старшего поколения на фоне всеобщего сдвига этноса к русскому (или иному) языку появляется своеобразная "регрессия", возврат к коммуникации на родном языке, который они, казалось бы, давно забыли.

Регрессивное движение старшего поколения к консервативным, этнически специфичным формам духовной культуры давно описано в социальной антропологии. В какой-то момент человек начинает испытывать потребность в соблюдении старых обрядов, начинает чувствовать себя "носителем традиции" — даже если он никогда прежде не задумывался о подобных вещах; да и окружающие начинают ожидать от него знания традиции.

Думается, что аналогичный процесс, хоть это и может показаться не столь очевидным, происходит и с языком. Одна из причин этого, видимо, лежит в своеобразно меняющемся с возрастом отношении человека к своей собственной языковой компетенции и изменении оценки ("изменении ожидания") со стороны окружающих.

В ситуации, когда родной язык достаточно быстро уступает место другому, существуют, очевидно, некоторые универсальные правила "взаимного ожидания" того, какой язык окажется доминантным для данной возрастной группы независимо или почти независимо от реального возраста индивида. В этой ситуации естественно, что каждое следующее поколение говорит на родном языке хуже, чем предыдущее, причем этот факт осознается обоими поколениями, например, самым старшим (А) и следующим за ним (Б). Поколение Б всегда знает, что говорит хуже, чем это в принципе возможно, — и поэтому старается говорить поменьше, в особенности при "стариках". Сравнивая себя с поколением А, они утверждают, что говорят на языке плохо, — и то же самое скажет о них любой житель поселка: всем известно, что существует более богатый и "правильный" язык, чем тот, которым может говорить поколение Б. Если провести обследование этого поселка по предложенной методике, то балл, который в итоге получит поколение Б, будет располагаться где-то около 3.0.

Но проходит время, и поколение А сходит со сцены. Теперь уже поколение Б — "старики", и одновременно они автоматически становятся лучшими знатоками данного языка, какие существуют в данной общине, — просто

потому, что лучше их нет. Их языковая компетенция, в общем-то, всегда была достаточна для нормальной коммуникации на данном языке; она была "ущербной" только в сравнении с компетенцией предыдущего поколения, да и то не в силу реальной ущербности, а главным образом из-за психологических барьеров. Теперь же гнет психологического "комплекса лингвистической неполноценности", из-за которого поколение Б всю жизнь стеснялось говорить на языке из опасения быть осмеянным, оказывается снятым, — и выясняется, что их языковая компетенция достаточно велика.

Конечно, объективно этот язык отличается от языка ушедшего поколения. Скорее всего, в нем возрастет число заимствований, число аналитических форм, построенных по аналогии с русскими моделями, снизится доля конструкций, составляющих специфику языка, но аналоги которых отсутствуют в русском (типа инкорпорации, или специальных сложных способов суффиксального словообразования, или механизмов топикализации и др.). Однако этим слегка изменившимся языком поколение Б будет владеть совершенно свободно — и если теперь, через 10—15 лет, провести повторное исследование, то балл, который получит то же поколение, может оказаться близким 2.0 — т.е. выше, чем 10—15 лет назад.

Конечно, механизм регрессивного восстановления языка у старшего поколения может действовать лишь при одном обязательном условии: язык должен быть усвоен этим поколением во младенчестве, это должен быть в прямом смысле слова материнский язык. Такой язык, даже будучи вытеснен в пассивную зону, при благоприятных обстоятельствах может восстановиться. Поэтому этот механизм не может действовать бесконечно. Однако его наличие существенно продлевает жизнь любого языка, даже если на первый взгляд он находится "на грани исчезновения".

Наличие этого механизма делает достаточно сложным любой прогноз относительно будущего того или иного языка: очевидно, что для адекватного прогнозирования нужны очень тонкие и тщательные исследования.

Из сказанного можно сделать вывод общего плана, касающийся собственно предмета социолингвистических исследований. Известно, что билингвизм может изучаться как применительно к личности говорящего, так и применительно к коллективу говорящих [11]. Согласно первому из этих подходов (если он, так сказать, абсолютизируется), на первый план предлагается ставить "языковую личность" — средоточие производственных отношений, центр пересечения общественных и языковых функций и индивидуально-коммуникативных потребностей, которая и должна быть главным объектом социолингвистических исследований [12].

Представляется, что данный подход не обладает достаточной объяснительной силой для интерпретации сложных многоязычных ситуаций в районах Крайнего Севера. Работая с понятием "языковой личности", вряд ли удастся убедительно ответить на многие вопросы, которые материал постоянно ставит перед исследователем. Это, например, вопрос о правилах выбора языка общения из нескольких возможностей при коммуникации двух "языковых личностей" — членов одной языковой общины; или вопрос об особенностях и перспективах сосуществования языков, о переходе с языка на язык целым языковым коллективом. Это, наконец, рассмотренный выше вопрос "регрессивного восстановления" владения языком у "языковых личностей" старшего поколения, который также вряд ли может получить адекватную интерпретацию в терминах "языковой личности", поскольку весь механизм этого процесса строится на понятии социальных ролей поколений, на системе социальных, коллективных установок и ожиданий.

Подобно тому, как, согласно современным биологическим представлениям, единицей эволюции является популяция, а не особь, в социолингвистических процессах субъектом изменений является языковой коллектив. Языковое пове-

дение личности изменяется вследствие языковых изменений в общине. Следовательно, и объектом социолингвистического исследования также должна быть языковая община.

5. Основные принципы языковой политики в районах Крайнего Севера

Языковая ситуация в районах Крайнего Севера, как было показано выше, обладает рядом внутренних особенностей, истоки которых лежат в социально-экономических процессах, происходивших в регионе начиная с 30-х годов XX в.

Рассматривая эту ситуацию в сравнении с другими, лучше известными, такими, как взаимоотношение русского и латышского, эстонского и русского, абхазского и грузинского, памирских и таджикского, украинского и болгарского языков и многих других (ср. также многочисленные исследования по другим ареалам, часто выполненные на высоком уровне, например, по Чувашии [13] или Казахстану [14, 15]), можно выделить ряд следствий как чисто научного характера (описанные выше тип изучаемого объекта и методы его исследования), так и практического порядка.

Нужно также иметь в виду, что у большинства народностей Севера отсутствуют (или отсутствовали до недавнего времени), для других неэффективны национальные административно-территориальные образования как средство защиты родного языка и национальной культуры. Подавляющее большинство малых народностей Севера совершенно лишено возможности влиять на экономическую, социальную и языковую ситуацию в районах, в которых они проживают. Такие вопросы, как: нужно ли вводить преподавание родного языка, и если да, то в каком объеме, с какого по какой класс; продолжать ли жителям заниматься традиционным морским промыслом или всем дружно пере-квалифицироваться в звероводов, разделщиков рыбы, изготовителей сувениров; и даже — быть ли данному поселку или он должен быть "закрыт", а жители переселены в другое место — все эти вопросы решаются вне поселка, где-то "наверху".

Отсюда абсолютная зависимость малых народностей Севера от решений федеративных, областных, краевых, районных органов власти. Они беззащитны перед ошибкой или злой волей "вышестоящих", а отсюда — особая ответственность любого, кто берется предлагать рекомендации в области преподавания этих языков, издания литературы на них, подготовки учителей и других вопросов, связанных с существованием этих языков.

Сейчас предпринимается много попыток формулирования принципов языковой политики — от газетных публикаций, выражающих частное мнение, до государственных законов, регулирующих языковые отношения в масштабе республики. Точки зрения самые разные: от призывов к скорейшему переходу на русский язык до утверждения безусловной ценности двуязычия и до явно формулируемых тенденций к национальному одноязычию, к отталкиванию от русского языка [характерны в этом отношении материалы Круглого стола в Институте языкознания АН СССР (ныне РАН) 30—31 мая 1989 г., где все эти точки зрения были представлены].

Хотелось бы сформулировать в заключение некоторые принципы, на которых, по убеждению автора, должна строиться языковая политика на Крайнем Севере; естественно, это лишь одна из возможных позиций в данном вопросе, окончательное решение которого должно быть плодом коллективных усилий.

Представляется, что эти принципы согласуются с Конвенцией № 169 о коренных и других народностях, ведущих племенной образ жизни в независимых странах, принятой на генеральной конференции Международной Организации Труда в июне 1989 г. [16].

а) Необходимо признать и законодательно зафиксировать принцип безуслов-

ной ценности каждого языка как тезауруса культуры народа, основы национального самосознания человека, "материального выражения интеллигентальной общности данного коллектива", по удачному выражению акад. Н.И. Конрада, независимо от численности самого народа и от уровня его материальной и социальной культуры "до 1917 года".

б) Необходимо признать безусловное право каждой, сколь угодно малой народности пользоваться родным языком в любой общественной сфере, в которой она считает нужным.

в) Необходимо констатировать, что народность, искусственно лишенная возможности пользоваться родным языком, не может нормально существовать, а также эксплицитно сформулировать тезис о принципиальном нездоровье общества, допускающего такие ситуации.

г) Необходимо признать и законодательно зафиксировать обязанность государства предоставить и экономически обеспечить каждой общине реальную возможность получить образование на родном языке в пределах, выбранных данной конкретной общиной, а также реальное право пользоваться родным языком в любой сфере жизни.

д) Необходимо признать неразрывную связь каждого языка с традиционной культурой, хозяйственной деятельностью и традиционным природопользованием и как следствие констатировать невозможность решить языковую проблему изолированно от проблем земельной собственности, реальной власти местных органов, природопользования и природоохраны, самоопределения народности в отношении ее хозяйственной и производственной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асиновский А.С., Вахтин Н.Б., Головкин Е.В. Этнолингвистическое описание командорских алеутов // ВЯ. 1983. № 6.
2. Вахтин Н.Б. К социолингвистическому описанию эскимосских поселений Чукотского полуострова // Лингвистические исследования. 1984: Историко-типологическое исследование разнотипных языков. М., 1984.
3. Асиновский А.С. Социолингвистические аспекты взаимодействия русской и ительменской языковых систем в национальном поселке Ковран // Язык, культура и общество: проблемы развития. Л., 1986.
4. Люблинская М.Д. К социолингвистическому описанию ненцев поселка Носок Таймырского полуострова // Лингвистические исследования. 1986: Социальное и системное на различных уровнях языка. М., 1986.
5. Vakhtin N. The Yukagir language in sociolinguistic perspective. Steszew, 1991.
6. Аерорин В.А. Новые исследования по языкам народностей Севера // ИАН СЛЯ. 1957. № 5. С. 470.
7. Освоение без отчуждения: Материалы экспертного опроса / Под ред. Бакштановского В.И. Вып. I—II. Тюмень, 1989.
8. Нохельсон В.И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Ч. I: Образцы народной словесности юкагиров // Тр. якутской экспедиции. Отдел III. Т. 9. Ч. 3. СПб., 1900.
9. Меновицкое Г.А. К вопросу о проницаемости грамматического строя языка // ВЯ. 1964. № 5.
10. Меновицкое Г.А. Новые данные о языке алеутов Командорских островов // Изв. Сибирского отделения АН СССР. Серия обществ. наук. 1965. № 1.
11. Верещагин Е.М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). М., 1969. С. 21.
12. Советское языкознание в канун нового пятилетия // ВЯ. 1986. № 2.
13. Чуваши: современные этнокультурные процессы / Отв. ред. Пименов В.В. М., 1988.
14. Копыленко М.М., Саина С.Т. Функционирование русского языка в различных слоях казахского населения. Алма-Ата, 1982.
15. Хасанов Б.К. Казахско-русское двуязычие: социально-лингвистический аспект. Алма-Ата, 1987.
16. Информация М[еждународной] О[рганизации] Т[руда]. № 3 (август). Женева, 1989. С. 3—6.